

К ПРОБЛЕМЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАНАСИЛИЯ: ПОНЯТИЕ И МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ ON THE PROBLEM OF NORMATIVE REGULATION OF MEDIA VIOLENCE: THE CONCEPT AND MODELS OF COMPREHENSION

Светлана Каимовна ШАЙХИТДИНОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
Svet1206@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8751-3911

Информация об авторе

С.К. Шайхитдинова — профессор кафедры национальных и глобальных медиа, доктор философских наук, профессор

Аннотация. Осмыслена проблема неэффективности нормативного регулирования проявлений медианасилия. Это обусловлено рядом причин. Первая связана с тем, что медианасилие в силу своей многоплановости, сложносоставности не может быть определено строгим понятием. Данное обстоятельство, по мысли автора, не должно останавливать законодателя и общественность, поскольку реальная угроза ментальному здоровью граждан со стороны медиа существует.

Вторая причина связана с тем, что в общественном сознании, с точки зрения автора, доминируют классическая объективистско-реалистская модель трактовки реальности. Ее установка на натурализм, эссенциалистский подход не позволяют в полной мере оценить риски, вызываемые новоявленными феноменами цифровой реальности. Автор встает на сторону исследователей, которые ратуют за освоение ценностей неклассической гносеологической модели социальной реальности, ориентированной на культурные контексты и интерпретационный подход.

Ключевые слова: медианасилие, нормативное регулирование, гносеологические модели, правовая реальность

- **Для цитирования:** Шайхитдинова С.К. К проблеме нормативного регулирования медианасилия: понятие и модели осмысления // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 30–36; DOI: 10.17323/tis.2025.24876

Svetlana K. SHAYKHITDINOVA

- Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, Svet1206@yandex.ru,
- ORCID: 0000-0002-8751-3911

Information about the author

- S.K. Shaykhitdinova — Doctor of Philosophy Sciences,
- Professor of the Department of National and Global Media, Kazan Federal University

- **Abstract.** The article raises the problem of inefficiency of normative regulation of manifestations of media violence. This is due to a number of reasons. The first is related to the fact that media violence, due to its multidimensional nature and complexity, cannot be defined by a strict concept. This circumstance, according to the author, should not stop the legislator and the public, since there is a real threat to the mental health of citizens from the media.

- The second reason is related to the fact that in the public consciousness, from the author's point of view, the classical objectivist-realist model of interpretation of reality dominates. Her naturalistic, essentialist approach does not allow her to fully assess the risks caused by the newfound phenomena of digital reality. The author takes the side of researchers who advocate the development of the values of a non-classical epistemological model of social reality, focused on cultural contexts and an interpretative approach.

Keywords: media violence, normative regulation, epistemological model, legal reality

For citation: Shaykhitdinova S.K. On the Problem of Normative Regulation of Media Violence: The Concept and Models of Comprehension // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1) P. 30–36; DOI: 10.17323/tis.2025.24876

• ОТ ФЕНОМЕНА — К ПОНЯТИЮ?

• Концепт «медиа-насилие» попал в поле зрения автора этой статьи в связи с информационным спором, вызванным жалобой на новостные сюжеты программы «Перехват» казанской телекомпании «Эфир». Выступая в роли привлеченного эксперта, автор статьи дала заключение, в котором, в частности, было указано следующее: а) ставшие предметом спора сюжеты криминальной хроники состоят преимущественно из неадаптированной для публичного показа оперативной съемки полицейских; б) сюжеты никак не комментируются журналистами, они представляют только позицию правоохранительных органов, то есть речь идет о трансляции населению служебной информации; в) событийную основу «натуралистических сюжетов» составляет именно происшествие — авария, несчастный случай, преступление, то есть «устрашающая история». С опорой на исследования социологов и психологов были перечислены риски от показа таких новостей: банализация события смерти; подрыв базового доверия к миру у детей, даже если они просто играют рядом с телевизором; дестабилизация эмоционального статуса личности, рост тревожности [1, с. 114–118].

• Очередной показательный информационный спор, затронувший тему медиа-насилия, был рассмотрен в Общественной коллегии по жалобам на прессу в связи с интервью Ксении Собчак «Скопинский маньяк: разговор на свободе». По мнению заявителя, в основу фильма положено «часовое интервью с человеком, который похищал и насиловал женщин, это фактическая поддержка таких действий и провокация других подобных преступлений» [2, с. 151]. Свое мнение высказали три эксперта. Эксперт Надежда Ажгихина отметила, что стилистика данного интервью «не выводит преступника и преступление за пределы нормы и, педалируя естественный интерес к аномальности, не соотносит эту аномальность с контекстом достойного существования» [2, с. 153]. С точки зрения автора этой статьи, такой подход создателей фильма к предмету отображения не может квалифицироваться как неэтичный, однако следует согласиться с тем, что фильм демонстрирует позицию не журналистов, но «рыночников», уже в ходе творческой работы озабо-

ченных продвижением своего произведения. Неслучайно в название фильма включено слово «маньяк», хотя в психиатрическом плане никаких подтверждающих этот термин диагнозов не приведено.

Третий случай в заданном ряду информационных споров обращает внимание на проблему медианасилия, когда поводы создаются телевизионщиками на этапе сбора материала. Иллюстрацией может выступить решение № 230 Общественной коллегии по жалобам на прессу, которая рассмотрела обращение отца детей, пострадавших от нападения на казанскую гимназию № 175. В решении отмечено, что Коллегия не считает ни правомерной, ни оправданной преобладающим общественным интересом ситуацию, когда телевизионная группа поздним вечером вторгается в жизнь семьи со многими детьми, один из которых только что выписан из больницы. Герой интервью, давая на него согласие, не должен быть застигнут врасплох, когда он пребывает в растерянном, потрясенном состоянии, особенно если у него нет опыта взаимодействия со СМИ и он не вполне представляет себе последствия публикации [2, с. 50–52].

Завершу эту выборку информационным спором вокруг сюжета в выпуске «Вести. Дежурная часть» по теме закрытого судебного заседания. Зрителям федерального канала с сенсационным подтекстом неоднократно демонстрировались кадры оперативной съемки следственного эксперимента, восстанавливающего, по версии следствия, сцену убийства маленькой девочки [3, с. 432–438].

Представленные кейсы демонстрируют сложность составность медианасилия как феномена и явления. Сложность возрастет, если к рассмотренным примерам из телевидения добавить информационные продукты других каналов и других медийных площадок, насыщенных художественными образами, визуальными эффектами, а также речевой агрессией, выраженной через словесный ряд и интонации.

Содержательно концепт медианасилия объединяет не только многообразие технологических видов воздействия на психику потребителей информации, но также и разные степени вреда общественному здоровью. Так, информационные споры, обращающие к теме медианасилия, которые рассматривала Общественная коллегия по жалобам на прессу, касаются вопроса о «незаметных», пролонгированных эффектах. Однако иногда мы имеем дело со случаями наиболее высоких уровней медиавоздействия [4], вызывающими болезненные реакции общественной психики. Одним из эмпирических показателей такого эффекта выступает наблюдаемый после распространения деструктивной информации рост обращения граждан в медицинские учреждения за помощью. Степень та-

кого воздействия усиливают документальный контент (в сравнении с художественным контентом подлинность происходящего впечатляет намного сильнее), многократное повторение, а также неокрепшая психика воспринимающего (прежде всего детей и подростков).

Особой зоной опасности в этом смысле выступает интернет-пространство. В 2022 г. по юридическим наукам были защищены две кандидатские диссертации, в которых на основе эмпирических исследований были выявлены риски криминальной виктимизации пользователей интернета, распространения идеологии, пропагандирующей насилие, самоубийства, пенитенциарную субкультуру [5, 6]. Сегодня к источникам подобного рода рисков примкнули многочисленные каналы популярных приложений.

Ситуация усугубляется во многом в связи с тем, что административное регулирование виртуальной сферы не ведет к положительным результатам. На сложности в правоприменительной практике указывает А.Г. Рихтер. Хотя пропаганда культа насилия и жестокости запрещена законом о СМИ (ст. 4), а в 1986–1996 гг. в нашей стране даже существовала уголовная ответственность за «пропаганду культа насилия и жестокости», этот запрет неэффективен. Причину автор видит в том, что законодатель так и не смог на федеральном уровне определить это понятие, в силу чего практика наказания за данное правонарушение крайне скудная [7, с. 370–371].

Пропаганда культа насилия и жестокости может быть отнесена к одному из элементов медианасилия. Его понятийное раскрытие в еще большей степени затруднено, поскольку включает в себя, как говорилось выше, разнообразие проявлений, уровней восприятия и эффектов.

Об этом косвенно свидетельствуют определения медианасилия в российских гуманитарных источниках. Феномен рассматривается как «психологическое воздействие на сознание посредством печатной, теле-видео- и аудио-продукции, прямо или косвенно ведущее к изменению социального поведения, мнения об окружающей действительности и в ряде определенных случаев побуждающее человека к действию» [8, с. 118]. Насильственные отношения на экране характеризуются как «разновидности социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб» [9, с. 67]. В целом, медианасилие характеризуется как «доминирование одного субъекта над другим через

агрессивное воздействие с использованием медиаканалов и медиатехнологий» [10, с. 6].

Смысловая расплывчатость понятия, не передаваемая строгими терминами, отчасти объясняет, почему не происходит его «юридизации». И хотя специалисты — педагоги, психологи, медиаведы — бьют тревогу [8–12], лучшее, что достигнуто по этому вопросу, — отнесение содержания, которое можно квалифицировать как медианасилие, к вредной информации. При этом доказать вред для здоровья конкретных граждан, причиненный теми или иными информационными продуктами, бывает практически невозможно.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОСМЫСЛЕНИЯ — К НЕКЛАССИЧЕСКОЙ?

Внедрение правил, на которых базировались бы культурные усилия, ориентированные на поддержку ментального здоровья граждан, затруднено, как представляется, еще одним обстоятельством. Речь идет о стереотипном восприятии заданной темы самими гражданами: любая попытка внести в актуальную повестку вопросы о необходимости освоить нормы, связанные с формированием и распространением какого-либо контента на публичных площадках, воспринимается как посягательство на свободу мнений и способов их выражения. Опросы представителей потенциальной аудитории различных медиа по этой теме, проведенные под руководством автора этой статьи М.А. Абдрахмановой [10], свидетельствуют, что медианасилие в российском общественном сознании не рассматривается как социальная проблема (то есть проблема общественного масштаба).

В качестве обратного примера укажу на западные страны. Обостренное общественное внимание к данной проблеме приковано там более пятидесяти лет (хотя вопрос об угрозах обществу, исходящих от разного рода медиа, ставится в течение всего XX в., работы ученых по этой теме в странах с хорошо развитыми медиакоммуникациями стали известными и популярными с 60-х годов прошлого века, после изучения содержания, заполняющего эфирное время крупнейших американских телекомпаний [13, с. 194].) И это приносит плоды. Во-первых, между населением и исследователями медиа нет разрыва: экспертам заданного профиля предоставляют эфирное время в массовых СМИ; данные актуальных исследований в области коммуникаций проникают в публичное пространство и находят своих потребителей. Таким образом обновляется повестка в работе общественных советов и ассоциаций, которые ратуют за гуманизацию медиaprостранства. Во-вторых, теоретики проявля-

ют общественности следующие вопросы: смыслового соотношения агрессии и насилия; что считать краткосрочным, а что — долгосрочным эффектом от воздействия медианасилия; дает ли демонстрация сцен насилия в художественном произведении, являющемся принадлежностью высокой культуры, повод к ограничению распространения этого произведения и т.п. [14–19]. Все это, несомненно, повышает уровень общественной медиакультуры, что не может не отразиться благотворно на проблеме нормативного ограничения вредной информации, циркулирующей по медиаканалам.

Отдельно затрону тему «мягкого регулирования» в виде этических правил медиадетальности. Показателен такой объемный документ, как «Путеводитель для продюсеров: ценности и стандарты BBC» [20], сохранившийся у меня со времен партнерских взаимодействий конца 90-х годов с представителями медиаобразования из Уэльса. Внутрикorporативный документ такого рода носит в журналистской среде название «Книга стилей» и содержит описание различного рода норм (технических, технологических, юридических, этических), а также общих ценностей и концептуальных позиций, которых придерживается медиаорганизация в своих многочисленных внутренних и внешних отношениях на информационном рынке. Это фактически руководство по организационному строительству, менеджменту, связям с общественностью, культурной миссии с подробными инструкциями для журналистов по сбору информации и отражению потенциально конфликтных ситуаций. Наличие и подробная разработанность документа такого рода свидетельствует о профессиональной зрелости коллектива, представляющего данное предприятие. В Путеводителе BBC термин «медианасилие» не найден, однако в разделах по правовым вопросам подробно изложены нормы поведения журналиста, если он берет интервью у жертв насилия (отдельно — сексуального насилия, отдельно — у детей), а также у свидетелей преступления, у подозреваемых в преступлении и т.д. [20, с. 146, 150–151, 320–321].

В отечественной научной литературе и специализированных медиадокументах автору не попадалась подобная детализация смыслового наполнения искомого понятия. Но даже если такого рода детализация и предпринимается, ждать большого отклика не приходится: устойчивый общественный спрос на исследования, связанные с проблемой медианасилия, не сформирован. В связи с этим при бытовом обсуждении темы звучат рассуждения скептиков о том, что, к примеру, народные сказки содержат множество описаний действий злодеев, и никто из детей, кому читали эти сказки, не брал с них пример; не ясно также, как

относиться к культурным и религиозным символам, изображающим определенные сцены. К примеру, никому в голову не придет, глядя на распятие Христа, думать о заданной проблеме. Все это свидетельствует о неготовности общественного мнения к серьезному обсуждению вопроса.

Одну из причин такого положения дел, представляется, можно обнаружить, обратившись к понятию «гносеологические модели». Исследование их влияния на правовые смыслы находим в статье С.И. Максимова «Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права» [21]. С.И. Максимов определяет правовую реальность как идеально сконструированное бытие, суть которого заключается в должностовании. Оно не сводится к эмпирическим фактам, не замыкается на самом себе и имеет смысловое строение. Право, имея свою внутреннюю логику развития, в то же время выступает важной составной частью актуально действующих в общественном сознании гносеологических моделей.

С опорой на Н.В. Бряник [22] С.И. Максимов характеризует три из них. Первая модель — объективистско-реалистская, подчиненная принципу реальности, — опирается на опыт повседневного мира, «естественную установку» отношения человека к миру. Эта позиция эссенциализма представлена в классических (натуралистических) концепциях естественного права и юридического позитивизма, включая марксистскую теорию права, основанную на принципе объективности. Во второй модели — конструктивистской — познание трактуется как созидание, строительство, конструирование познаваемого предмета. В науке познаваемый объект («физическая реальность», «математическая», «правовая реальность» и т.п.) не предстает как некая изначальная данность познающему субъекту — она выступает продуктом его деятельности, трансформацией его способностей. Поэтому данный подход — феноменалистский. Истина на этом направлении — суть оценка некоторых ментальных состояний человеческой деятельности, установить которую можно лишь с помощью особых ментальных процедур. Третья модель, которая в отличие от первых двух и является собственно неклассической, — символическая. Это смысловое, духовно-энергетическое постижение сущности, явление символами (или выраженное в языке), знание. Истина приобретает при таком интерпретационном подходе онтологическое значение и выражается в подлинности, т.е. бытийности, реальности символов, а познание ассоциируется с пониманием.

На этой основе автор [21] выделяет четыре основных способа осмысления правовой реальности,

каждый из которых делает акцент на одном из ее аспектов: правовой позитивизм; правовой объективизм; правовой субъективизм (или классические концепции естественного права — на идеально-нравственной стороне права, раскрывающейся в сознании субъекта идеи права), правовая интерсубъективность, или неклассические концепции естественного права [21, с. 48].

Если с этой точки зрения взглянуть на представленные в российском общественном сознании гносеологические модели, то не ошибемся, указав, что доминируют их классические вариации. При этом объективистско-реалистический подход преобладает. На это аргументированно указывает М.П. Завьялова в одной из статей [23].

Со ссылкой на В.Г. Федотову и Н.Н. Федотову [24] М.П. Завьялова характеризует первый подход, который основан «на признании натуралистических, природных, неизменных сущностей — родства, этноса, расы, языка, пола, возраста, на квазиприродном истолковании классов, объективно сложившихся в общественном производстве, идентичностей обществ и стран, объективно обусловленных их историей и выработанными архетипами. Сходство характеристик этих явлений вытекает из объективно присущих обществу «естественных параметров», сохраняющих свою неизменность или хотя бы значительную устойчивость» [23, с. 102]. Следует подчеркнуть, что речь не идет об «отмене» данной системы понятийных координат. Речь идет о необходимости расширения гносеологических рамок легитимации разного рода социальных объектов, включая новые феномены и явления. Очевидно, что охарактеризованная объективистско-реалистская (натуралистически-эссенциалистская) модель не различает неизвестные до новейшего времени проявления цифровой реальности, в том числе такие, как медианасилие. А если и различает, то рассматривает их как второстепенные, надстроечные. Общественная реакция наступает, когда фиксируются осязаемые проявления вреда — рост тревожности в обществе, плохая демографическая ситуация, увеличившаяся статистика по самоубийствам детей и т.п.

Та же ситуация складывается вокруг конструктивистской гносеологической модели. По отношению к медианасилию и другим негативным феноменам медийной среды эта модель проявляет себя, с точки зрения автора данной статьи, в виде этических предписаний и правил, вменяемых профессиональным медиаспециалистам, в первую очередь — журналистам, в качестве реализации их общественной миссии. Однако, как свидетельствует постсоветский опыт функционирования медиainститутов, этические ме-

диастандарты не прижились в медиадеятельности. «Мягкое» регулирование вопросов документального освещения всего, что связано с темами насилия в различных областях жизни, проблематизируется ситуациями, которые характерны для темы саморегулирования СМИ в целом. Двадцать лет назад Анжелика Синеок констатировала, что «в России утвердился подход к созданию этических кодексов, в основе которого лежат подлог, конфронтация, имитация процессов нравственного регулирования. Кодексы не задевают за живое, не порождают “несвоевременных мыслей” о времени и о себе, не вызывают дискуссий в среде журналистов. Их положения по большей части носят декларативный характер и изначально не учитывают развитие процессов саморегулирования» [25, с. 21]. Сегодня кодексы журналистской этики в связи с развитием рынка новых медиа практически исключены из повестки.

Понятно, что неклассическая (символическая) модель не является панацеей от рисков динамично развивающейся медийной среды. Вопрос, повторю, в том, каковы разрешительные возможности подхода к проблеме. Очевидно, что сегодня для эффективного нормативного регулирования новоявленной интерсубъективной социальной среды востребованы адекватные ей культурные инструменты. В качестве таковых уместно обратиться к высказанной в правоведческой литературе идее интерсубъективного права, преодолевающего статичность подходов, проявляющего себя в смысловом плане в коммуникации и интерпретации позиции Другого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 3 / под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2013. 580 с.
2. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 11 / под ред. Ю.В. Казакова, М.А. Федотова. М.: Мозартика, 2021. 390 с.
3. Шайхитдинова С.К. Этика неоконченного судебного процесса // Агзамовские чтения — 2023: Сб. мат. Междунар. конф. и науч. статей. Казань, 2023. С. 432–438.
4. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
5. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: Автореф. дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2022. 30 с.
6. Родина Е.А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2022. 27 с.
7. Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики: учеб. М.: Издательские решения, 2018. 516 с.
8. Никулина М.А., Бурко Ю.С. Мединасилие — зона социальной опасности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 4 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 117–120.
9. Тарасов К.А. «Агрессивная кинолента» ТВ и студенчество // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 66–76.
10. Абдрахманова М.А. Проблема медианасилия в текстах СМИ: автореф. ... дис. к.ф.н. Казань, 2018. 22 с.
11. Двоеглазова М.Ю. Социальные представления современной молодежи о влиянии информации о насилии в СМИ на криминализацию общественного сознания. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-vliyaniy-informatsii-o-nasilii-v-smi-na-kriminalizatsiyu-obshchestvennogo-soznaniya/viewer> (дата обращения: 14.09.2024).
12. Юдина Е. Насилие в документальной телереальности // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 76–82.
13. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. 432 с.
14. Kevin D. Browne. Catherine Hamilton-Giachritsis. The influence of violent media on children and adolescents: a public-health approach // [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)17952-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)17952-5) (дата обращения: 15.01.2024).
15. Huesmann L.R. The Impact of Electronic Media Violence: Scientific Theory and Research // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2704015/> (дата обращения: 25.01.2024).
16. Report of the Media Violence Commission // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ab.21443> (дата обращения: 15.01.2024).
17. Delhove M. Violent media use and aggression: Two longitudinal network studies // <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00224545.2021.1896465> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Nickie D. Phillips Violence, Media Effects, and Criminology // <https://oxfordre.com/criminology/display/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-189> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Furlow B. Media violence and youth aggression // [https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642\(17\)30033-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642(17)30033-0/fulltext) (дата обращения: 15.01.2024).
20. Producers' Guidelines: The BBC's values and standards. 362 s.

21. Максимов С.И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6. С. 41–54.
22. Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания: учеб. пособие. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2003.
23. Завьялова М.П. Проблема совместимости натуралистически-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов в познании и преобразовании социальных объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 102–112.
24. Федотова В.Г., Федотова Н.Н. Возраст // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 42–52.
25. Актуальные проблемы саморегулирования СМИ / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М.: Институт проблем информационного права, 2005. 628 с.
- sotsialnye-predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-vliyaniy-informatsii-o-nasilii-v-smi-na-kriminalizatsiyu-obshchestvennogo-soznaniya/viewer (data obrashcheniya: 14.09.2024).
12. Yudina E. Nasilie v dokumental'noi telereal'nosti // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2002. No 3. S. 76–82.
13. Braiant D., Tompson S. Osnovy vozdеistviya SMI: per. s angl. M.: Izdatel'skii dom "Vil'yams", 2004. 432 s.
14. Kevin D. Browne. Catherine Hamilton-Giachritsis. The influence of violent media on children and adolescents: a public-health approach. — URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(05\)17952-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(05)17952-5) (data obrashcheniya: 15.01.2024).
15. Huesmann L.R. The Impact of Electronic Media Violence: Scientific Theory and Research // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2704015/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
16. Report of the Media Violence Commission // <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ab.21443> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
17. Delhove M. Violent media use and aggression: Two longitudinal network studies. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00224545.2021.1896465> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
18. Nickie D. Phillips Violence, Media Effects, and Criminology. — URL: <https://oxfordre.com/criminology/display/10.1093/acrefore/9780190264079.001.0001/acrefore-9780190264079-e-189> (data obrashcheniya: 15.01.2024).
19. Furlow B. Media violence and youth aggression. — URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642\(17\)30033-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642(17)30033-0/fulltext) (data obrashcheniya: 15.01.2024).
20. Producers' Guidelines: The BBC's values and standards. 362 s.
21. Maksimov C.I. Klassicheskaya i neklassicheskaya modeli osmysleniya pravovoi real'nosti v kontekste kommunikativnoi paradigmy prava // Pravovedenie. 2014. No 6. S. 41–54.
22. Bryanik N.V. Vvedenie v sovremennuyu teoriyu poznaniya: Ucheb. posobie. M.; Ekaterinburg, 2003.
23. Zav'yalova M.P. Problema sovместимости naturalisticheskii-essentsialistского i sotsial'no-konstruktivistского podkhodov v poznanii i preobrazovanii sotsial'nykh ob'ektov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2017. No 39. S. 102–112.
24. Fedotova V.G., Fedotova N.N. Vozrast // Voprosy filosofii. 2016. No 12. S. 42–52.
25. Aktual'nye problemy samoregulirovaniya SMI / pod red. G.V. Vinokurova, A.G. Rikhtera, V.V. Chernyshova. M.: Institut problem informatsionnogo prava. 2005. 628 s.

REFERENCES

1. Nastol'naya kniga po mediinomu samoregulirovaniyu. Vyp. 3 / pod red. Yu.V. Kazakova, M.A. Fedotova. M.: Tvorcheskii tsentr YuNESKO, 2013. 580 s.
2. Nastol'naya kniga po mediinomu samoregulirovaniyu. Vyp. 11 / pod red. Yu.V. Kazakova, M.A. Fedotova. M.: Mozartika, 2021. 390 s.
3. Shaikhitdinova S.K. Etika neokonchennogo sudebnogo protsessa // Agzamovskie chteniya — 2023: sb. mat. Mezhdunar. konf. i nauch. statei. Kazan', 2023. S. 432–438.
4. Dzyaloshinskii I.M. Kommunikativnoe vozdеistvie: misheni, strategii, tekhnologii. M.: NIU VShE, 2012. 572 s.
5. Il'nikskii A.S. Protivodeistvie kriminal'noi ideologii v seti Internet: avtoref. dis. ... k.y.n. Krasnodar, 2022. 30 s.
6. Rodina E.A. Protivodeistvie kriminal'noi viktimizatsii pol'zovatelei seti Internet v kiberprostranstve: avtoref. dis. ... k.y.n. Saratov, 2022. 27 s.
7. Rikhter A.G. Pravovye osnovy zhurnalistiki: uchebник. M.: Izdatel'skie resheniya, 2018. 516 s.
8. Nikulina M.A., Burko Yu.S. Medinasilie — zona sotsial'noi opasnosti // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2009. No 4 (23): v 2 ch. Ch. II. С. 117–120.
9. Tarasov K.A. "Agressivnaya kinolenta" TV i studenchestvo // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2002. No 3. S. 66–76.
10. Abdrakhmanova M.A. Problema medianasiliya v tekstakh SMI: avtoref. dis. ... k.f.n., Kazan', 2018. 22 s.
11. Dvoeglazova M.Yu. Sotsial'nye predstavleniya sovremennoi molodezhi o vliyaniy informatsii o nasilii v SMI na kriminalizatsiyu obshchestvennogo soznaniya. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>